

И. Ю. Шауб*

ДАНТОВ УЛИСС И ОДИССЕЙ АНТИЧНОГО МИФА **

В статье рассматривается вопрос о том, насколько образ античного мифологического героя Одиссея нашел отражение в «Божественной комедии» Данте. Для создания образа своего Улисса Данте пользовался не только литературными, но, вероятно, и фольклорными источниками, поскольку в Италии существовала очень глубокая и устойчивая традиция, связанная с пребыванием здесь Одиссея, свидетельством чего являются многочисленные топонимы, восходящие к античности, которые предание связывало со странствиями этого героя у побережья Италии.

Не менее тесная связь Улисса с Италией зафиксирована и мифологией. Однако главным для Данте в мифологическом Улиссе-Одиссее было не только и не столько то, что этот герой был тесно связан с Италией, но тот факт, что, подобно самому Данте и его вожатому Вергилию, он представлялся путешественником по загробному миру.

Учитывая важную роль Цирцеи среди мифологических образов «Божественной комедии», можно предположить, что наряду с антиподальной парой Улисс — Данте в поэме в скрытом виде присутствует и ее женский аналог: Цирцея — Беатриче. Эта пара в еще большей степени, чем первая, воплощает в себе противоположные этические полюса.

Ключевые слова: Данте, «Божественная комедия», Улисс (Одиссей), Цирцея, Беатриче, античный миф, загробный мир.

I. Y. Schaub

DANTE ULYSSES AND ODYSSEUS OF THE ANCIENT MYTH

The article discusses the question of how the ancient image of the mythological hero Odysseus is reflected in the «Divine Comedy» by Dante. To create the image of his Ulysses Dante used not only literary, but, probably, folklore sources, because in Italy there was a very deep and persistent tradition connected with the sojourn here of Odysseus, as evidenced by

---

* Шауб Игорь Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, ведущий научный сотрудник, ИИМК РАН; schaubigor@mail.ru

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00524.

numerous place-names (dating back to antiquity), which legend links with the wanderings of the hero off the coast of Italy. Strong ties of Ulysses with Italy were fixed by mythology. For Dante though, mythological Ulysses-Odysseus was not only the character closely associated with Italy, but the person who, like Dante himself and his guide Virgil, was posed as a traveler through the otherworld.

Considering the important role of Circe in the mythological imagery of the «Divine Comedy», it can be assumed that, along with a pair of antipodal Ulysses — Dante's poem is present in a latent form and its female counterpart: Circe — Beatrice. This pair is an even greater extent than the first, embodies the opposite ethical poles.

Keywords: Dante, «The Divine Comedy», Ulysses (Odysseus), Circe, Beatrice, the antique myth, afterlife.

Впечатляющий образ Улисса, уникальность его фигуры в «Божественной комедии» неоднократно привлекали к нему внимание комментаторов и исследователей (библиография (не исчерпывающая): [4, с. 310. Прим. 2]), в т. ч. и отечественных [2; 9; 4, с. 303–313]. Однако все они либо рассматривали этого героя как литературный персонаж (У. Б. Станфорд, М. Е. Грабарь-Пассек и др.), либо анализировали его с точки зрения семиотики (вот как, к примеру, Ю. М. Лотман резюмирует свое исследование эпизода путешествия Улисса в «Божественной комедии»: «Эпический плут, сказочный герой-обманщик, превратившийся в поэзии Гомера в хитроумного царя Итаки, обретает в поэме Данте черты человека Возрождения, первооткрывателя и путешественника. Образ этот и привлекает Данте цельностью и силой, и отталкивает моральным индифферентизмом ...» [4, с. 313]). Нас же здесь интересует в первую очередь вопрос о том, в какой степени Улисс (Одиссей) (о многочисленных вариантах имени греческого героя и о том, как на итальянской почве он стал Улиссом, см.: [15; 19]) нашел отражение у Данте как мифологический персонаж. (Насколько нам известно, под таким углом зрения этот герой еще не рассматривался.)

Однако прежде чем рассмотреть данный вопрос, позволим себе привести пространную цитату из посвященной Дантову Улиссу работы Ю. М. Лотмана, поскольку, опираясь на его семиотический анализ данного персонажа, можно, на наш взгляд, сделать к выводам тартусского исследователя существенное дополнение. По словам Лотмана,

нельзя не признать, что путешествие Улисса представляет собой весьма своеобразный эпизод. Образ Улисса в «Комедии» двойтся. В «Злые щели» Улисс попал как податель коварных советов... Улисс, как и Данте, наделен индивидуальным путем. Между их трассами в мировом континууме есть еще одно существенное сходство: они — герои прямого пути. Сходство проявляется и в том, что пути их воплощают открытое движение, порыв в бесконечность; начинаясь в точно обозначенных местах, они движутся в избранном направлении, а не стремятся к заранее обозначенному конечному пункту.

Улисс — своеобразный двойник Данте. Двойничество его проявляется в двух существенных аспектах. Во-первых, оба они, в отличие от остальных персонажей, чьи грехи или добродетели однозначно закрепили их за определенными *locus'*ами дантовского мира, «герои пути» — они постоянно находятся в движении и, что еще важнее, постоянно пересекают границы запретных пространств... Только

Данте и Улисс — добровольные или вынужденные изгнанники, гонимые могучей страстью, пересекают рубежи, отделяющие одну область мироздания от другой. Во-вторых, их роднит общность маршрута: и Данте, и Улисс спешат в одном направлении; разными путями они движутся к Чистилищу: Данте сквозь Ад и через пещеры, пробитые при падении телом Люцифера, Улисс — морем, мимо Испании, Гибралтара, Марокко. Хотя путешествие Данте совершается в inferнальном мире, а Улисса — в реальном географическом пространстве, — мета, к которой они спешат, одна. Это подтверждается тем, что в путешествии по Чистилищу и Раю Данте как бы перенимает эстафету погибшего Улисса. Два раза поэт напоминает об утонувшем герое, и оба упоминания полны значения [4, с. 311].

Приведа данный пассаж для того, чтобы продемонстрировать ход мысли исследователя, обратимся к тому месту «Божественной комедии», которое представляет для нас особый интерес. Мы имеем в виду перечисление живущих вдоль течения Арно свиноподобных жителей Порчано, собак-аретинцев, волков-флорентийцев и лисиц-пизанцев (Ч. XIV, 43–53). Отмечая этот пассаж, Ю. М. Лотман констатирует, что

на реализации метафоры скотоподобия построены многие адские муки. По-этому слова Улисса, напоминающего своим спутникам, что они люди, а не скоты, и рождены для благородного знания, а не для животного существования, исполнены для поэта глубокого значения:

Considerate la vostra semenza: fatti non foste a viver come bruti, ma per seguir virtute e conoscenza.

(Подумайте о том, чьи вы сыны: Вы созданы не для животной доли, Но к до-блести и к знанью рождены (Ад, XXVI, 118–120) [4, с. 312].

(В поэме неоднократно встречается противопоставление подлинных людей скотоподобным существам в человеческом облике, однако рассматриваемый пассаж имеет совершенно особый характер.) Эта интерпретация, несомненно, верна. Однако, на наш взгляд, семиотический анализ данного пассажа следует продолжить, поскольку перечислению упомянутых в нем «скотоподобных» образов предшествует упоминание Цирцеи:

Места ли эти под наитьем зла, / Или дурной обычай правду рушит, / Но жалкая долина привела / Людей к такой утрате их природы, / Как если бы Цирцея их пасла. / Сперва среди дрянной свиной породы, / Что только желудей не жрет пока, / Она струит свои скупые воды; / Затем к дворянкам держит путь река, / Задорным без какого-либо права, / И нос от них воротит свысока. / Спадая вниз и ширясь величаво, / Уже не псов находит, а волков / Проклятая несчастная канава. / И, наконец, меж темных омутов, / Она к таким лисицам попадает, / Что и хитрец пред ними бестолков (Ч. XIV, 38–54. Пер. М. Л. Лозинского)),

отличительной чертой которой являлась не просто способность, но стремление превращать всех людей, попавших в ее обитель, в животных. (Эта не единожды прямо или косвенно упомянутая поэтом [3, с. 623] волшебница («И так вот кожу белую чернят... — смысл: “Так люди превращаются в животных” (кожу белую чернят), вняв обольщениям волшебницы Цирцеи (А., XXVI, 91; Ч., XIV, 42), прекрасной дочери Гелиоса-Солнца (дарующего утро

и закат), т. е. прельстясь земными благами». В оригинале эта терцина прочитывалась и понималась различно. Предлагаемый перевод также допускает другое прочтение и другое понимание, если слова «вняв обольщениям» выделить в запятых как вводные. В таком случае смысл ее будет: «Так люди, вняв обольщениям, чернят белую кожу прекрасной дочери солнца, то есть портят человеческую породу, дочь солнца — отца всего, в чем смертна жизнь» (Р., XXII, 116)», в образе которой сохранились верования, связанные с могущественной Владычицей зверей — одной из главных ипостасей Великой богини Средиземноморья, была хорошо известна Данте не только из «Метаморфоз» Овидия (XIV, 242–440) и «Энеиды» Вергилия, но и из итальянской топонимики (в соответствии с позднейшей по отношению к Гомеру традицией место пребывания Цирцеи было отнесено к Италии, конкретно — к мысу вблизи Гаэты, «где потом пристал Эней» (Ад. XXVI, 92–93). Речь идет о Горе Цирцеи (Монте Чирчелло) неподалеку от места, где, согласно легенде, Эней похоронил свою кормилицу Кайету, назвав эту область ее именем (Verg. Aen. VII, 1–24)). Учитывая это обстоятельство можно предположить, что наряду с антиподальной парой Улисс — Данте в поэме в скрытом виде присутствует и ее женский аналог: Цирцея (немаловажно, что по одной из версий мифа, Цирцея воскрешает Улисса [10, с. 159]) — Беатриче. Эта пара в еще большей степени, чем первая, воплощает в себе противоположные полюса (в данном случае речь идет об антиномиях «Вечной Женственности»). Если наша гипотеза верна, образность «Божественной комедии» оказывается еще более сложной и в то же время еще более стройной, чем представлялось ранее.

В своем пассаже, посвященном Улиссу (Ад. XXVI, 52 след.), Данте объединяет наказание этого героя с мучением другого Гомеровского героя — Диомеда (о Диомеде в Италии см.: [6; 7, с. 142 след.; 8, с. 26; 5, с. 89]). Оба они горят в одном и том же огне. На вопрос Данте о том, кто пребывает в двойном огне, Вергилий отвечает:

В нем мучатся...
Улисс и Диомед, и так вдвоем,
Как шли на гнев, идут путем расплаты (пер. М. Лозинского).

За что расплата? В полном соответствии с античным мифом — за «ввод коня, разверзший стены града, откуда римлян вышел славный род», «за стоны мертвой Дейдамии», зовущей Ахилла, за Палладий. Что здесь имеется ввиду? Троянский конь, созданный по совету Одиссея (Улисса) и погубивший Трои (об этом Данте хорошо знал из Энеиды (Verg. Aen. II, 13–267)). Дейдамия — дочь скиросского царя Ликомеда, возлюбленная Ахилла, который скрывался во владениях ее отца. Одиссей и Диомед при помощи хитрости обнаружили героя на острове Скирос и увлекли на роковую для него войну против Трои (об этом упоминается и в Ч. IX, 39). Под ее стенами он и погиб. Безутешная Дейдамия призывает его в Лимбе (Ч. XXII, 103–120). О похищении Одиссеем и Диомедом Палладия — священного изображения богини Минервы (Афины), нахождение которого в Трое гарантировало безопасность города, Данте было известно из Энеиды (Verg. Aen. II, 162–170).

Главные черты античного Одиссея — это ум и хитрость. Согласно некоторым вариантам мифа, он сын не Лаэрта, а Сизифа, обманувшего Смерть. Дед Одиссея со стороны матери (Антиклеи) — Автолик — «великий клятвопреступник и вор» (Od. XV, 396 сл.) — сын Гермеса. В Илиаде (II. XIII, 291–295) Афина говорит, что в хитростях, измышлениях и коварстве с Одиссеем трудно состязаться даже богу. Первоначально Одиссей не был связан с мифами Троянского цикла, но пришел туда из фольклора, сказки, о чем наглядно свидетельствуют главные черты его «истории» — полные опасностей приключения, встречи с чудовищами и волшебницами, пребывание в «ином» мире и многое другое.

В контексте «Божественной комедии» особенно важно пребывание Одиссея в загробном мире. Главный эпизод XXVI песни «Ада» — гибель Улисса в океане в виду горы Чистилища — восходит к античной традиции. Так, Кратет из Маллы (II в. до н. э.) [17; 16; 13], который аллегорически толковал Гомера в духе стоической космологии, полагал, что странствия Одиссея происходили в океане. Там же, по мнению древних, находились и Острова блаженных. Поэтому, вероятно, отнюдь не случаен тот факт, что

второй раз Улисс вспоминается во время вступления поэта в зону Близицефов. Оказавшись в точке, антиподной месту гибели Улисса, Данте совершает перелет к меридиану Геркулесовых столпов и далее, в бесконечной выси, повторяет путь Улисса, пока не оказывается над местом его гибели, на меридиане Сион — Чистилище. Здесь по оси падения Люцифера, проходящей через место, где разбился корабль Улисса, он совершает взлет в Эмпирей. Таким образом, путешествие Данте как бы продолжает путешествие Улисса с момента гибели последнего [4, с. 312] (здесь же тартуский исследователь отмечает, что «до этого момента они как бы дублируют друг друга»).

Однако если в локализации гибели Улисса в «Божественной комедии» прослеживается античная традиция, то ее антураж и трактовка в качестве наказания за его неумную пытливость — это целиком и полностью создание творческой фантазии Данте.

Кроме того, что для создания образа своего Улисса и истории его странствий Данте пользовался «Энеидой» Вергилия и «Метаморфозами» Овидия (XIII, 1–398; XIV, 242–440) (в своих комментариях к «Божественной комедии» («Ад» XXVI, 84) М. Л. Лозинский отмечает, что «рассказ о гибели Улисса восходит, по-видимому, к послегомеровской легенде, передаваемой Плинием Старшим (I в.) и Солином (III в.), согласно которой Улисс, по возвращении на Итаку, выплыл в Атлантический океан, основал Лиссабон (Улиссип) и погиб в бурю у западного берега Африки» [3, с. 550–551]). Откуда почерпнуты эти сведения — неясно. В тексте Плиния их нам обнаружить не удалось, а у Солина Улисс не упоминается вовсе), он явно обращался и к прочим источникам, прежде всего фольклорным, поскольку в Италии существовала мощная и устойчивая традиция, связанная с пребыванием здесь Одиссея, свидетельством чего являются многочисленные топонимы, восходящие к античности, которые традиция связывала со странствиями этого героя у побережья Италии [18].

Не менее тесная связь Улисса с Италией зафиксирована и мифологией. Так, по Феопомпу (FHG I, p.296 Fr. 115), Одиссеем умер в Этрурии; Ликофрон

упоминает о том, что он похоронен там на горе Перга близ Кортонны (Лус. 805). В связи с этим его иногда отождествляли с этрусским героем Наном (об этом загадочном персонаже см.: [14]).

Детьми Улисса и Цирцеи (или Калипсо) (здесь же Плутарх называет Одиссея отцом Рома — эпонима Вечного города) считались Авсон (Авзон) (Plut. Rom. 2) (здесь же Плутарх называет Одиссея отцом Рома — эпонима Вечного города) — родоначальник авсонов, древнейшего племени Италии, первый царь Италии, и Латин — родоначальник латинов, эпоним Лация (Hes. Theog. 1011–1016). Знаменательно, что у Гесиода — древнейшего после Гомера античного автора — Одиссей выступает в качестве родоначальника не греков, но важнейших для них племен Италии — латинов и тирренов (этрусков) [18] (у Гигина отцом Латина от Цирцеи называется сын Улисса Телемах, а другой его сын, Телегон, выступает в качестве отца Итала (от Пенелопы) — эпонима Италии (Hug. 127)).

Но, пожалуй, наиболее впечатляющим известием об Одиссее в Италии является сообщение Гелланика Лесбосского (V в. до н. э., Гелланик — один из древнейших греческих авторов, упоминающих Рим) о том, что этот герой (наряду с Энеем) основал Рим (Dion. Hal. Ant. Rom. I, 72, 2) [12].

Однако главным для Данте в мифологическом Улиссе-Одиссее было не только и не столько то, что этот герой был тесно связан с Италией, и тем более не то, что он был мореплавателем, но тот факт, что, подобно самому Данте и его вожатому Вергилию, он представлялся путешественником по «загробью», одним из входов в которое считалось Авернское озеро или пещера близ него. Здесь, где, по преданию, обитала знаменитая Кумская сивилла, существовал доисторический оракул мертвых [18, р. 67]. Причем важно отметить: вера в то, что вход в загробный мир находился именно там, бытовала не только в период античности, но сохранялась и в эпоху Средневековья.

Нет сомнений в том, что шестая книга «Энеиды» Вергилия, в которой повествуется о странствиях Энея в подземном мире, напрямую зависит от «Некии» (где речь идет о спуске Одиссея в царство Аида) «Одиссеи» [11]. Э. Д. Филипс справедливо утверждает, что именно странствия по «загробью» были самым впечатляющим приключением Одиссея, приуроченным к Италии, и резонно замечает, что «если бы «Некия» Одиссея не была локализована в Кампании, то трудно понять, как Вергилий, столь многим обязанный Гомеру, мог бы ввести посещение Аида в свой национальный римско-италийский эпос; и еще менее понятно, как он сделал это событие поворотным пунктом своей поэмы и авторитетным откровением о судьбе Рима» [18, р. 67].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. — Л., 1990. — 223 с.
2. Грабарь-Пассек М. Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. — М., 1966. — 320 с.
3. Лозинский М. Л. Комментарий // Данте Божественная комедия. — М., 1982. — Рай, XXVII, 136–138.

4. Лотман Ю. М. Путешествие Улисса в «Божественной комедии» Данте // Лотман Ю. М. Семиосфера; Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. — СПб., 2000. — С. 303–313.
5. Мавлеев Е. В. Греческие Диомеды и этрусский «человек-лебедь» // Художественные изделия античных мастеров. — Л., 1982. — С. 86–96.
6. Немировский А. И. Античный миф о человеке-лебеде и его древнеславянские параллели // Норция. — Воронеж, 1978. — Вып. 2. — С. 23–30.
7. Немировский А. И. Каталог этрусских кораблей в Энеиде // ВДИ. — 1978. — № 1. — С. 142–148.
8. Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. — М.: Наука, 1983. — 261 с.
9. Сахаров В. И. Данте и Улисс // Литературная учеба. — 1978. — № 6. — С. 199–202.
10. Гигин. Мифы. — СПб.: Алетейя, 2000. — 360 с.
11. Aeneis Buch VI / P. Vergilius Maro; Erklärt von Eduard Norden. 2. Aufl. — Leipzig; Berlin, 1916. — 479 S.
12. Ampolo C. Enea ed Ulisse nel Lazio da Ellanico (FGrHist 4 F 84) a Festo (432 L.) // Parola del Passato. — 1992. — Vol. 47. — P. 321–342.
13. Bilić T. Crates of Mallos and Pytheas of Massalia: Examples of Homeric Exegesis in Terms of Mathematical Geography // Transactions of the American Philological Association. — 2012. — Vol. 142. — P. 295–328.
14. Geisau H. von. Nanas, Nanos // Der kleine Pauly. — 1979. — Bd. 3. — Sp.1566.
15. Maras D. Note sull'arrivo del nome di Ulisse in Etruria // Studi Etruschi. — 2002. — Vol. 65–68. — P. 237–249.
16. Mette H. J. Sphairopoia. Untersuchungen zur Kosmologie des Krates von Pergamon mit einem Anhang: Texte. — Muenchen, 1936.
17. Pfeiffer R. A History of Classical Scholarship. — Oxford, 1968. — T. 1. — P. 234–251.
18. Philipps E. D. Odysseus in Italy // Journal of Hellenic Studies. — 1953. — Vol. 73. — P. 53–67.
19. Poccetti P. Names of Greek Religion and Mythology in the Languages of Ancient Italy // Papers and monographs of the Finnish Institute at Athens / ed. by M. Leiwo, H. Halla-aho & M. Vierros. — 2012. — Vol. XVII. — P. 80–82.